

Александр Иванович Куприн

Красное крыльцо

Александр Куприн
Красное крыльцо

«Public Domain»

1924

Куприн А. И.

Красное крыльцо / А. И. Куприн — «Public Domain», 1924

«Это было в один из чудесных солнечных, холодных дней конца октября 1888 года. Москва ждала в гости царя и царскую семью: они приедут поклониться древним русским святыням, после железнодорожного крушения на станции Борки...»

© Куприн А. И., 1924

© Public Domain, 1924

Александр Иванович Куприн

Красное крыльцо

Это было в один из чудесных солнечных, холодных дней конца октября 1888 года.

Москва ждала в гости царя и царскую семью: они приедут поклониться древним русским святыням, после железнодорожного крушения на станции Борки.

По велению государя, встречавшие его войска московского гарнизона были выведены без оружия. Они стояли шпалерами от Курского вокзала до Кремля. А в Кремле, от Золотой решетки до Красного крыльца, вдоль длинного и широкого дубового помоста, крытого красным сукном, стояли мы, четыре роты юнкеров Третьего военного Александровского училища, четыреста юношей в возрасте восемнадцати-двадцати лет. Юнкер четвертой роты Александр Куприн стоит в первой шеренге: царь пройдет мимо него в пяти шагах, ясно видимый, почти осязаемый.

Ждем долго. В старину выводили на смотры и на парады часа за два. Теперь же случай выдался совсем необычайный. Еще в училище каждого из нас осматривали как свои портупей-юнкера, так и ротные офицеры, осматривали с мелочной заботливостью матери, отправляющей шестнадцатилетнюю дочь на первый большой бал. И теперь, в Кремле, нет-нет да пройдет курсовой офицер, одернет складку мундира, поправит поясную бляху с изображением пылающей гранаты, надвинет больше на правый глаз круглую барашковую шапку с сияющим двуглавым орлом.

Ожидание не томит. Все мы радостно и легко возбуждены. Давно знакомые молодые лица кажутся совсем новыми: такими они стали свежими, ясными и значительными, раздумявшись и похорошев в крепком осеннем воздухе.

В голове – как шампанское. Скользит смутно одна опасливая мысль: так необыкновенны, так нетерпеливо волнуют эти счастливые минуты, что вдруг перегоришь в ожидании, вдруг не хватит чего-то внутри тебя для самого главного, самого большого.

И вот какое-то внезапное беспокойство, какая-то быстрая тревога пробегает по расстроенным рядам. Мы выпрямляемся и подтягиваемся без команды. Ухо слышит, что откуда-то справа, далеко-далеко, раздается и нарастает особый, до сих пор не различаемый шум, подобный гулу леса под ветром или прибою невидимого моря...

Командуют «смирно». Выравнивают. Опять «смирно». Потом на минутку «вольно». Опять «смирно». Позволяют размять ноги, не передвигая ступней... Так без конца. Так бывает всегда на смотрах. Но на этот раз никто из нас не обижается.

Но как описать это медленно наплывающее чудо, которое должно вскоре разрешиться бурным восторгом? Какими словами передать это страстное напряжение души, растущее вместе с приближающимся ревом толпы и звоном колоколов? Вся Москва кричит и звонит от радости. Вся огромная, многолюдная, крепкая, старая, царева Москва!

И когда в этот ликующий звуковой ураган вплетает свои легкие веселые струи военная музыка, то кажется, что твой слух уже пресыщен, что он не вмещает больше.

Но вот заиграл на правом фланге и наш знаменитый училищный оркестр, первый в Москве. В ту же минуту в растворенных сквозных воротах, высясь над толпой, показывается царь. Он в светлом офицерском пальто, на голове круглая низкая барашковая шапка. Он величественен. Он заслоняет собою все окружающее. Он весь до такой степени исполнен нечеловеческой мощи, что я чувствую, как гнется под его ногами массивный дуб помоста.

Царь все ближе ко мне. Сладкий острый восторг охватывает мою душу и несет ее вихрем, несет ее ввысь. Быстрые волны озноба бегут по всему телу и приподымают ежом волосы на голове. Я с чудесной ясностью вижу лицо Государя, его рыжеватую густую бороду, соколиные размахи его прекрасных союзных бровей. Вижу его глаза, прямо и ласково устремленные в

мои. Мне кажется, что в течение минуты наши взгляды не расходятся. Спокойная, великая радость, как сияющий золотой поток, льется из его глаз.

Какие блаженные, какие возвышенные, навеки не забываемые секунды! Меня точно нет. Я стал невесомым. Я растворился, как пылинка, в одном общем многомиллионном чувстве. И в то же время я постигаю, что вся моя жизнь и воля моей многомиллионной родины собралась, точно в фокусе, в одном этом человеке, до которого я мог бы дотянуться рукою, собралась и получила непоколебимое, единственное, железное утверждение. И оттого рядом с воздушностью всего моего существа я ощущаю волшебную силу, сверхъестественную возможность и жажду беспредельного, жертвенного подвига.

Около государя идет наследник. Я знаю, что он всего на год старше меня, но рядом с отцом он кажется худеньким стройным мальчиком. Это сопоставление великолепного тяжкого мужского могущества с отроческой гибкой стройностью на мгновение пронизывает мое сердце теплой, чуть-чуть жалостливой нежностью...

Теперь я не упускаю из виду спину государя, но острый взгляд в то же время шелкает своим верным фотографическим аппаратом. Вот царица. Она вовсе не маленькая, но какая изящная! Она быстро кланяется головой в обе стороны. Ее темные глаза влажны, но на губах легкая милая улыбка.

Вижу я еще двух великих княжон. Одна постарше – барышня, другая – почти девочка. Обе в чем-то светлом, у обеих из-под шляпок падают до бровей обрезанные прямой челочкой волосы. Младшая смеется, блестит глазами и зажимает уши: оглушительно кричат юнкера славного Александровского училища!

Вот и проходит волшебное сновидение. Как чересчур быстро! У всех у нас бурное напряжение сменяется тихой счастливой усталостью... Души и тела приятно распускаются... Идем домой под звуки резвого, бодрого марша. Кто-то говорит в рядах:

– Государь все время на меня смотрел, когда проходил. Я думаю, целых полминуты.

Другой отзывается:

– А на меня, пожалуй, целую минуту.

Я же думаю про себя: «Говорите, что хотите, а на меня мой царь глядел, не отрываясь, целых две с половиной минуты. И маленькая княжна взглянула. Она – божество!»